

УДК 930.2:94(44)"19"

**ОПОРНАЯ ТОЧКА ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ:
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
КОНЦА XX ВЕКА**

И.К. Калимонов

Аннотация

Статья посвящена проблеме поиска теоретического обоснования исторического познания во французской социальной и исторической мысли конца XX в. Дается анализ парадигмы исторических исследований, разработанной под влиянием концепций Поля Рикёра и Пьера Бурдьё.

Ключевые слова: прагматическая парадигма, «критический поворот», школа «Анналов», единство исторического процесса, герменевтика, память, «возвратное вопрошание».

70–80-е годы XX в. отмечены серьезными изменениями в развитии французской исторической мысли. Книга П. Вена «Как пишут историю» (1971) (см. [1]) открыла дискуссию о природе исторического познания во французской историографии. Под вопросом оказались научные претензии «новой исторической науки»: предлагалось взглянуть на историописание как на конструкцию с повествовательным сюжетом. Поль Рикёр писал, что Вен в то время был единственным, кто ратовал за возвращение в историю понятия интриги: «у него это возвращение было связано с резкой критикой всякой претензии на научность, якобы несовместимой с “подлунным” статусом истории» [2, с. 131]. Тогда же Мишель де Серто опубликовал пространное исследование о том, что он называл «историографическим действием». Отказ «новых историков» от нарратива (см. [3–5]) был оценен им как отход от самой сути исторического познания. После выхода в свет книги П. Вена началось массивное «наступление» на позиции «новой исторической науки» и «справа» (А. Куто-Бегари), и «слева» (Ф. Досс) (см. [6, 7]). Отказ от «глобальной истории», которой, по замыслу Ф. Броделя, должны заниматься историки, привел к ситуации, когда история снова оказалась перед необходимостью определить свой предмет познания.

Неприятие универсалистских концепций истории связано с разочарованием в результатах попыток их «применения на практике» [8, с. 96]. В 80-е годы итальянский исследователь К. Гинцбург предложил другую модель исследования истории, назвав ее в противовес господствующей «галилеевой парадигме» «парадигмой ключа». Социальная история, утверждал он, сбилась с пути, отыскивая

повторяющиеся закономерности, в то время как истинным ее призванием скорее является поиск значимых «ключей», из которых можно извлечь «косвенное», «предположительное» знание в духе психоаналитической интерпретации или следственного действия (см. [9, с. 76]). Франсуа Досс, автор знаковой для того времени книги «История в осколках. От «Анналов» к «новой истории» (см. [7]), писал, что «гуманитарные науки во Франции долго жили с нависающей над ними моделью, моделью механической физики, которая своими законами и своим употреблением причинности, казалось, представляла квинтэссенцию научности, осуществляя радикальный разрыв с классическими гуманитарными науками». Он критикует стремление строить «социальную физику» путем открытия неизменных повторяющихся связей, статических явлений, что было ориентиром гуманитарных наук в XIX в., и распространяет эту критику на XX в., считая, что это время единых функционалистских парадигм, таких, как марксизм или структурализм, закончилось. По его мнению, «гуманитарные науки могут стать науками о человеке только при условии, что они будут формой рефлексии, которая предполагает герменевтический путь...» [10, р. 682].

П.С. Гуревич отмечает, что эти тенденции в развитии историографии были неслучайны. Они «отражали реалии становления информационного общества, когда с очевидностью встала проблема свободы сознания от внешних воздействий. В наше время производство, функционирование и распространение идей стали совсем иными, нежели в прежние эпохи. Даже в условиях тоталитарных режимов, при которых уже нельзя сказать “мой дом – моя крепость”, мысли человека, его “душа” считались неприступной крепостью. Но сегодня пала и эта крепость, рассеивается последняя иллюзия – иллюзия независимости, якобы присущей человеческому сознанию» [11, с. 330]. Важно исследовать механизм «производства сознания», раскрыть пружины его функционирования. Привычные для функционалистских школ социологические методы не позволяют постичь движущие силы духовных процессов во всей их нерасчлененности, общности.

Поиск новых подходов связан с изменением представлений о сущности объективной реальности, в которой формируются мотивы поведения людей. С одной стороны, утверждается, что существуют различные модели общественного развития со своими специфическими моделями причинно-следственных связей. С другой – было признано, что представление о существовании объективной реальности, которая сама по себе определяет поведение субъектов исторического процесса, не соответствует действительности. Объективным для людей становится только то, что они знают и опробовали в ходе совместной деятельности. Происходит это в процессе коммуникации. Таким образом, снимается противопоставление субъективного и объективного, характерное для классической философии: «субъективное, переживаемое нами в качестве чисто “внутреннего” и сугубо личного, не является изначально данным, а строится субъектом в коммуникативных взаимодействиях с другими людьми в рамках определенной исторически данной культуры» [12, с. 159].

Интерес к этому аспекту исторических изменений обусловлен тем, что современный человек постоянно сталкивается с многообразием, а это вызывает психологический стресс, чувство неуверенности в собственных силах, сомнения в способности понять то, что происходит в обществе. Под влиянием этих

процессов с 70-х годов XX в. произошел отказ от линейных и стадийных построений истории, что привело к «кризису исторической науки» (см. [13, 14]). Основой для радикальных изменений самого исторического знания стала трансформация исторического опыта: разочарование в политических идеологиях (ни одна из самых влиятельных политических идеологий XX века при ее реализации не позволила достичь тех целей, которые ими декларировались как приоритетные), усиленное осознанием зависимости общественного сознания от способов передачи информации и возможности манипуляции этим сознанием при помощи различных информационных технологий.

Стало очевидно, что при всем желании историк не может выйти за границы своего времени или отстраниться от волнующих общество проблем. Современность – это не просто эмбриональная среда, в которой развивается историческая мысль, а своеобразный инструмент, направляющий проблематику исследований, воздействующий на их основные выводы и оценки. Критерии истинности исторических теорий лежат в той реальности, к которой относится сам историк, пишущий на ту или иную тему. Любые теории отражают эту реальность и являются результатом социального опыта, накопленного к моменту написания исторической работы (см. [15]). Эти теории вполне могут быть проверены современными историками уровнем развития социальных наук и исторической практикой. Поиск единства исторического процесса зависит от того, какой смысл вкладывают в это понятие историки, отражающие направленность мироощущения общества, к которому они сами относятся. Степень единства нужно искать лишь в соотношении частей: «Объяснение целого будет зависеть от понимания связей, которые существуют потому, что его частям придается определенная форма» [2, с. 234]. В данном случае различные концепции, если они твердо придерживаются своей теоретико-методологической основы, вполне могут быть верифицированы, а конкуренция между ними вполне аналогична конкуренции исследовательских программ в естествознании.

Исторические теории проверяются той реальностью, к которой относится исследователь. Вряд ли кто станет возражать, что эту реальность вполне можно наблюдать и проверять ею действительность тех или иных теорий. К примеру, недостатки марксистской теории развития общества стали очевидны из самой исторической практики, а вовсе не из идеологических баталий времен «холодной войны». Меняется исторический опыт – меняются теории. Меняются теории – меняется системный взгляд на историю. Рикёр писал по этому поводу: «Возвратное вопрошание, примененное к историографическому знанию, отсылает к уже структурированному культурному миру, а никак не к непосредственно жизненному. Оно отсылает к миру действия, уже конфигурированного повествовательной деятельностью, предшествующей с точки зрения смысла научной историографии» [2, с. 208].

В журнале «Анналы» в 1988 и 1989 гг. были опубликованы две статьи, с которых начался так называемый «критический поворот» в исторической мысли (см. [16, 17]). Сторонники «критического поворота», по мнению Жерара Нуаризаля, отказались сводить коммуникативные отношения к анализу дискурса и не разделили ослепления своих американских коллег философами-постструктуралистами и постмодернистами именно потому, что постструктуралисты

главным образом пытались аннулировать основания эмпирического поиска в социальных науках (см. [18]). Б.Г. Могильницкий определил это как «второй этап историографической революции» [19, с. 224].

Исходя из утверждения, что историческое знание является не редуцированной копией реальности, но конструируемым предметом, который приобретает смысл только благодаря активному участию тех, кто читает труды историков, сторонники «критического поворота» предложили рассматривать социальные объекты как изменчивые связи внутри постоянно меняющихся конфигураций. Под конфигурациями имеется в виду состояние общественного сознания и социального запроса на тот момент, когда пишется история. Историк в этом случае стремится создать представление о всеобщей истории, соответствующее состоянию теоретических представлений о причинах социальной эволюции, которые имеют место в современности и могут быть проверены как историческим, так и современным опытом. Социальная история в этом случае становится полигоном для проверки современных теорий и полем создания интеллектуальной основы для разработки социальных проектов, а не поприщем предсказателей и пророков. Фактически, как подчеркивает Франсуа Досс, это – переосмысление идеи Маркса, сводящееся к тому, что необходимо осуществлять интерпретацию мира в его преобразовании [10, с. 637].

Таким образом, тема «историчности» заменила тему «структуры» [20, с. 127]. На смену функционалистским парадигмам пришла интерпретативная парадигма, за которой, по словам Могильницкого, стояло достаточно «разношерстное движение», центрирующееся вокруг журнала «Анналы», редакцию которого возглавил Бернар Лепти. «Мы не школа, – писали в своей самооценке редакторы новых «Анналов» в одной из своих программных статей, – мы – экспериментальный полигон» (см. [21, 22]). Для обсуждения теоретических проблем к работе в журнале были привлечены всемирно известные ученые: социолог и этнолог Пьер Бурдьё и философ Поль Рикёр. Объединяющим началом в новой парадигме, как пишет Могильницкий, стало «акцентирование субъективного начала в историческом познании и самом историческом процессе» [19, с. 244]. Интерес к субъективности в исторической мысли имеет под собой определенную основу. Он исходит из понимания особенностей современной эпохи, когда искусственная среда обитания становится решающим условием жизни человека. В этом случае решающий фактор развития – самоорганизация ответственных субъектов исторического процесса, предполагающая рациональное обоснование решений, культуру рефлексии и критической дискуссии. Проблематика знания и познания становится центральной для понимания современного общества и человека. Историков в данном случае интересует линия познания детерминизмов человеком и освобождения личности. Новое информационное пространство, с одной стороны, делает человека более свободным в плане самовыражения, с другой – он может стать объектом манипуляции через использование виртуальных образов. Этим определяется значимость изучения историками механизмов действия исторической памяти, восприятия людьми друг друга в процессе общения и складывания различных форм осознания действительности в различных социальных группах. Слабость структурализма, по мнению Рикёра, была определена тем, что он сделал своим предметом уже состоявшуюся культуру,

оставив без внимания «производство культуры». Структурализму свойственен приоритет состояния над историей. Даже тогда, когда структурализм обращается к историческому материалу, его трактовка истории ближе к стилю классической философии, нежели современной, провозвестниками которой были К. Маркс, В. Гумбольдт, Ф. Ницше и В. Дильтей, а теоретиками, исследовавшими историю как способ человеческого бытия, – Хайдеггер и экзистенциалисты. По этой причине структурная антропология, как правило, не касается деятельной стороны исторического бытия, истории как «жизни». Как пишет Рикёр, в структуралистском подходе «исключается история – не только процесс изменения одного состояния на другое, но и производство культуры и человека, осуществляемое в процессе производства языка» [23, с. 129].

Теоретические разработки Поля Рикёра стали обоснованием новых подходов к изучению истории. Он предложил специфическую методологию интерпретации, которая соединяет объяснение и понимание в герменевтический круг. Рикёр показал, что понимание текста отмечает главным образом отношение текста с читателем, которое случается через сопоставление объяснения и понимания именно для данной конкретной ситуации. В качестве центральной проблемы универсальной методологии П. Рикёр рассматривает проблему диалектики объяснения и понимания. «Важнейшим следствием нашей парадигмы, – пишет П. Рикёр, – является то, что она открывает новый подход к проблеме отношения между объяснением и пониманием в гуманитарных науках» (см. [24, с. 70]). Реконструкция текста как целого имеет характер круга в том смысле, что знание целого предполагает знание его частей и всевозможных связей между ними. При этом многозначность целого является дополнительным побудительным мотивом для возбуждения герменевтических вопросов. Понимание присваивает себе полученный в результате объяснения смысл, поэтому оно всегда следует во времени за объяснением. Объяснение опирается на гипотезы, реконструирующие смысл текста как целого. Обоснованность таких гипотез обеспечивается вероятностной логикой.

Данный подход означает разрыв с предшествующей анналистской традицией, хотя нельзя говорить о полном разрыве, поскольку сохраняется установка на междисциплинарность научного исследования. Неизменным осталось взаимодействие истории с социальными науками, следствием которого являются глубокие преобразования в историографическом ландшафте. Ж.-И. Гренье, в частности, указывает, что линия преемственности между творчеством Л. Февра и нынешними «Анналами» не прерывается, несмотря на изменения парадигмы (см. [25, с. 139]).

Привлечение Рикёра к процессу разработки новой парадигмы началось с 1985 г., когда состоялась встреча сотрудников Центра социологии этики и Центра изучения социальных движений с Рикёром. На этой встрече все сошлись во мнении, что главное преимущество герменевтики для современных социальных наук – повторное открытие вопроса о смысле и значении языковых игр в социальных взаимодействиях [10, с. 685]. Рикёр тогда акцентировал внимание на том, что его теория скорее развивает концепцию Макса Вебера, чем Дильтея. Он напомнил тогда же, что Вебер всегда выступал за «объясняющее понимание». Объяснять больше – значит понимать лучше. Данное положение

было переосмыслено в работах Люка Больтански и Лорана Тевено. Новая социология, по их мнению, должна была принять всерьез субъектов исторического действия, чтобы строить исследование, ориентированное на выявление процесса коммуникации (см. [26]). В центре внимания оказалось положение Рикёра о том, что «исторический рассказ способствует тому, чтобы стягивать время, объединяя и унифицируя его» [27, с. 156]. Согласно Рикёру, речь идет не о том, чтобы рассматривать рассказ или время как абсолютную реальность, но о том, чтобы показывать их в связке наподобие треугольника «рассказ–время–действие», причем именно действие должно занимать основополагающее положение.

«Мы осознаем время через повествование» [28, с. 467]. Средством для такого осознания становится герменевтика. Герменевтика – никогда не прекращающийся процесс, она всегда опирается на повторную интерпретацию культурного наследия, на освещение по-новому, на превращения вследствие практической деятельности. Такая реконструкция необходима как социокультурная основа нашей способности реконструировать память и осуществлять социальные проекты. «Фундаментальные проекты, которые мы создаем, опираются также на истории, которые мы рассказываем» [29, с. 157]. В данном случае субъективность – проводник, необходимый для достижения объективности. Достижение исторической объективности невозможно без соотнесения с субъективностью историка. Понимание в историческом познании в этом случае зависит не от субъекта, который произвольно толкует происходившее, но от включения в процесс формирования самого знания субъекта. Гуманитарное познание с позиций герменевтики должно в этом случае «обрести», по выражению В.Г. Кузнецова, знание о многих сопутствующих моментах, которые для естествознания несущественны. К таким моментам он относит культурно-исторический контекст, языковые характеристики, психологические, мировоззренческие, жизненные установки автора текста и его исследователя и прочие условия, выбор которых предопределен задачами конкретного исследования [24, с. 132].

В конце 80-х годов были организованы встречи Рикёра с историками. В 1987 г. журнал «Esprit» организовал диспут Рикёра и историка Роже Шартье. Вторая встреча историков с Рикёром состоялась в июне 1988 г. по инициативе Франсуа Артога в центре исторических исследований EHES при участии Жака Ревеля, Бернара Лепти, Роже Шартье (см. [30]). Историк Бернар Лепти, тогда секретарь редакции, решил сыграть главную роль в определении новых направлений и новых альянсов, «которые мобилизуют герменевтику как теоретическое средство, или скорее вкладывают как первый элемент возможности герменевтики в конструкцию первого критического поворота» [31, с. 97]. Исходя из мысли, что всякое действие может быть понято только в случае его привязки к определенному месту и времени, был сделан вывод, что только время может быть специфическим предметом истории. Другими словами, предмет истории – изменение общества как целого во времени, поэтому «исследование временных механизмов должно создать особенный вклад истории» в новом междисциплинарном диалоге. Лепти писал тогда, что «критический поворот» позволил начать переход к «прагматической парадигме», которая станет основой новой социальной истории. Суть прагматического подхода – определение границ познания на основе текущих практических интересов, а не в зависимости от мнимого

онтологического статуса. Вместо того чтобы искать точное видение реальности, обретение которого, по всей видимости, невозможно, необходимо исходить из практики действия, иметь рационально осознанный опыт, позволяющий встретить лицом к лицу реальность (см. [32]).

Прагматическая перспектива исследований предполагает не только коллективный труд историков на основе научно-исследовательских программ, но и предполагает необходимость говорить на языке той общности, к которой обращаются. В противном случае история как дисциплина теряет смысл: историки по определению должны говорить на языке тех, кого они хотят убедить. Другая сторона прагматического поворота – возможность не ограничиваться обсуждением оснований знания, у которого есть тенденция не прекращаться никогда, а идти вместе с требованиями жизни по пути апробации существующих на данный момент теорий социального развития, участвуя в их проверке на историческом материале. Только в этом случае, считает Ж. Нуариэль, будет продолжена линия «реалистического релятивизма» Сеньобоса, Марка Блока и Фернана Броделя [18, с. 197].

В текстах историков предыдущих поколений концепция «реалистического релятивизма» в познании фигурировала как подразумеваемая, тогда как в современных исследованиях она достаточно полно аргументируется. Здесь она находится в центре аргументации. Прежде исследования историков об истории строились на отказе от серьезного изучения социальной практики, на которой основывалось само исследование. Историки негативно воспринимали идею о возможности поставить под вопрос их экспертную власть и интересы. Пьер Бурдые обратил внимание на то, что даже у историков, близких к «научному полюсу», теоретическая культура недостаточна и они очень часто используют социологические понятия без ссылки на систему отношений, к которой они привязаны (см. [33]). То же самое отмечал Антуан Про: «До самого конца 1980-х годов методологическое осмысление истории считалось во Франции бесполезным. Некоторые, например, Ш.-О. Карбонель, Ф. Досс, Ф. Артог, О. Демулен проявляли интерес к истории исторической мысли, но при этом оставляли осмысление проблем эпистемологии философам (Р. Арон, П. Рикёр)» [33, с. 6]. Неприятие возможности построения метаистории привело к тому, что от историков ускользнула возможность построения или использования «теорий среднего уровня».

Такого рода теории характерны для технических дисциплин. Как пишет Н.С. Розов, «при всех поправках на различие природы предметной области, специфики социально-философского познания и т. п. нельзя не признать, что современное техническое мышление в своей конструктивности и эффективности существенно опережает мышление научное, причем не только гуманитарное, но даже естественное. Объясняется это достаточно просто – очевидностью и непосредственностью обратной связи» [34, с. 25]. Теории, основанные на прагматическом идеале научности, – это теории, обобщающие законы среднего уровня. В этом случае теоретическая история – наука, направленная на получение в рамках принятых предпосылок нового по установленным правилам проверяемого знания. Теория позволяет сформулировать вопросы и задать правила вопрошания текстам прошлого. Сама теория проверяется на эффективность здесь и сейчас

самой исторической практикой. Применение теории позволяет рационализировать историческую память.

История, по мнению Рикёра, наследует проблему, встающую вне ее и связанную с феноменами памяти и забвения; ее собственные трудности прибавляются к тем трудностям, какими чреват процесс припоминания (см. [35, с. 731]). Прежде всего важен вопрос о том, кто вспоминает. С социологической точки зрения важнейшим звеном процесса вспоминания является коллективная память; индивидуальная память представляется в этом случае порождением памяти коллективной. Противники коллективной памяти полагают, что в концептуальном плане понятие коллективной памяти весьма уязвимо и вдобавок приводит к подавлению истории социологией. Полное отождествление памяти с человеческим «я» – плод возрастающей субъективации, при которой важно не столько то, о чем идет речь в воспоминании, сколько то, кому именно оно принадлежит. Субъектом воспоминания могут быть самые разные грамматические лица. Это дает право историку оперировать понятиями как индивидуальной, так и коллективной памяти. Историк сам должен только определить, с каким типом памяти он имеет дело, относится она к коллективным или частным социальным субъектам.

Коллективная память, как и индивидуальная, обладает двумя качествами, препятствующими работе историка. Коллективное представление общности о себе как о «жертве» приводит к «вытеснению» по Фрейдю: стирается вся негативная информация, торжествует некритическое восприятие истории. Есть и второй вид восприятия истории – воспоминание по приказу, также «освобождающее» от необходимости критического восприятия и от ответственности. Прагматический поворот предполагает переосмысление идеала научности для самого предмета исторического исследования. В этом случае историческое познание осуществляется как бесконечный поиск метода, адекватного природе объекта, то есть способного доставить истинное знание об объекте. Движение к истинному знанию происходит как постепенное устранение несоответствия метода (и знания, получаемого с помощью этого метода) объекту.

«Прагматистский» подход, по мнению Нуариэля, – средство преодоления «атомизации» дисциплины. Действительно, каждое поколение создает свой временный образ универсальной истории в зависимости от практических задач, которые нужно решать обществу. В этой перспективе «историк должен согласиться, чтобы критические инструменты, которые он выковал, чтобы освещать поведение социального мира, который он принимает за цель анализа, смогли служить также для изучения его собственного мира» [18, с. 214]. Отсюда вытекают определения трех требований к деятельности историка. Во-первых, лучшее понимание прошлого должно помогать людям настоящего «жить лучше». Во-вторых, нормы научности могут быть определены только сообществом историков на основе программ, отражающих потребности и возможности своего времени. В-третьих, познавательная деятельность должна быть непосредственно связана с воздействием памяти на современное историческое поведение людей. История не конструирует, а реконструирует прошлое, хотя и не восстанавливает прошлое таким, как им оно было.

Знаковой в развитии этих представлений во французской историографии стала опубликованная в 2000 г. в «Анналах» большая статья П. Рикёра «Историописание и репрезентация прошлого», пронизанная убеждением в способности истории адекватно воспроизводить прошлую действительность. Указывая на то, что «читатель исторического текста ждет от автора не вымысла, а «правдивого рассказа», П. Рикёр усматривает свою задачу «в том, чтобы определить, способно ли историописание удовлетворить эти невысказанные ожидания, соблюсти этот негласный договор, и если способно, то, как и до какой степени» [35, р. 746]. История в данном случае возникает из критической деятельности по отношению к коллективной памяти нации или различных групп общества как средство рационализации, необходимой в том случае, если востребована рациональная интеллектуальная база для социального проектирования. Только в этом случае история как дисциплина будет постоянно исходить из теоретических намерений, строгого размышления, опирающегося на корпус ясно сформулированных гипотез.

Жерар Нуариэль считает, что «прагматистская» философия может помочь историкам преодолеть атомизацию дисциплины именно потому, что она воспринимает «теорию» и «практику» как две стороны одной и той же проблемы. Историк должен осознавать, что критические инструменты, которые он использует при изучении социального мира, эффективны для изучения его собственного мира. В этом случае можно говорить об объективности его исследования. Таким образом, Жерар Нуариэль предлагает третий путь между консервативным отступлением и теоретическим забеганием вперед. Историк в этом случае ориентируется на принципы и ценности, которые он хотел бы видеть реализованными в своем мире, рассчитывая получить общее понимание и поддержку [18, р. 215].

«Прагматистский» подход должен избегать опасности скатывания к абсолютизации теоретического начала, идущего от философии, так как философ по определению стремится к идеалу свободной и чистой мысли, что противоречит принятой у историков практике коллективного обсуждения как средства достижения истины. Философия и история отличаются по стилю мышления. В исторической дисциплине преобладает коллективная логика, в философии – индивидуальная логика. «Индивидуальная логика стремится к вере в универсальность предлагаемой концептуальной схемы, что противоречит выводам, основанным на соглашениях и компромиссе, принятых в сообществе историков» [18, р. 235]. Другая опасность, возникающая при использовании прагматистского подхода, – уклонение от применения теоретического знания и обсуждения проблем исторического познания с философами. Историк должен заниматься самоанализом и отдавать себе отчет в том, что у него самого и у других есть различные точки зрения и разнообразие современных ему точек зрения на положение истории частично объясняется различными положениями, занятыми теми, кто их развивает. У прагматистского подхода не будет шансов на успех, если каждый историк не будет вносить ясность в то, что обычно называют «точкой зрения историка». «Историки могут надеяться решить вопрос “релятивизма”, если они сумеют договариваться об определении “точек зрения» (теории, проблематики, исследовательские программы или простые предпочтения), которые они желают

представить в своих исследованиях. Здесь речь идет о проблеме коллективного действия» [18, p. 241].

Второе ограничение для прагматистского подхода – границы, которые создает разделение между научной и обыденной речью. Историк не может ясно изложить массовому читателю причины своего обращения к тем или иным вопросам на языке дисциплин, изучающих процесс познания. По этой причине ему достаточно сложно объяснить массовому читателю, что такое «хорошая субъективность» историка, если отталкиваться от определения Рикёра.

Третье ограничение порождается самим процессом постоянного переосмысления работ предшественников, прагматистский подход может превратиться в обычный нигилизм, когда последующее поколение «ниспровергает» предшествующее, так как сама процедура подготовки специалистов в прагматистской парадигме предполагает постоянную критическую интерпретацию предшествующего опыта. Стремление к ниспровержению может стать стремлением к ниспровержению ради ниспровержения.

Способ сделать историческое исследование относительно объективным – исходить из задачи «способствовать развитию “коллективной памяти” человечества в целом» [18, p. 243]. С учетом этого очень важна организация исследований по социальной рецепции работ, осуществляемых историками. По каким каналам проходит произведенное знание, как воспринимается это знание, что остается в памяти и что передается забвению?

Проблема, адекватная первой, – проблема структурирования профессиональных сообществ на национальной основе. Существующее неравенство между национальными профессиональными сообществами не позволяет в полной мере создать международное сообщество историков, которое может найти согласие в вопросах разработки единых научно-исследовательских программ. Сложно также добиться солидарности историков-преподавателей, перегруженных педагогическими задачами, и историков академических учреждений. «Если история – сочетание деятельности власти, знания и памяти, тогда необходимо, чтобы для каждой из этих сфер компетенции были коллективно принятые критерии, позволяющие отличить мастерство от посредственности» [18, p. 246].

Summary

I.K. Kalimonov. Pivot of Pragmatic Turn and Interpretation in Humanitarian Sciences: Evolution of Theoretical Perceptions in French Historical Thought in Late 20th Century.

The article regards the problem of searching for a theoretical substantiation of historical cognition in French social and historical thought of late 20th century. The research also reveals the analysis of the historical research paradigm developed under the influence of Ricoeur's and Bourdieu's concepts.

Key words: pragmatism, “critical turn”, the school of “Annals”, historical process unity, hermeneutics, memory, “returnable asking”.

Литература

1. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Науч. мир, 2003. – 394 с.

2. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Универ. книга, 1998. – 313 с.
3. *Certau M. de.* Faire de l'histoire: Problèmes de méthode et problèmes de sens // *Revue de science religieuse.* – 1970. – F. 58. – P. 481–520.
4. *Veune P.* Comment on écrit l'histoire. – Paris, 1971. – 352 p.
5. *Certau M. de.* L'Opération historiographique // *L'écriture de l'histoire.* – Paris, 1975. – P. 63–120.
6. *Coutau-Bégarie H.* Le phénomène «nouvelle histoire», grandeur et décadence de l'école des «Annales». – Paris: Economica, 1989. – 354 p.
7. *Dosse F.* L'Histoire en miettes: Des «Annales» à la «nouvelle histoire». – Paris: La Découverte, 1987. – 280 p.
8. Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 2002. – 291 с.
9. *Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // *Новая и новейшая история.* – 1998. – № 6. – С. 64–88.
10. *Dosse F.* Paul Ricoeur: Les sens d'une vie. – Paris: La Découverte, 2001. – 770 p.
11. *Гуревич П.С.* Философия культуры. – М.: NOTA BENE, 2001. – 352 с.
12. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
13. Une crise de l'histoire? Debat avec Gerard Noiriel // *Cahiers d'histoire.* – 1996. – F. 65. – P. 131–138.
14. Sur la «crise» de l'histoire: Autour du livre de Gerard Noiriel. Table-ronde du 16 mars 1997 // *Bull. de la Soc. d'histoire mod. et contemporaine.* – P., 1997. – F. 3/4. – P. 72–111.
15. *Царев Б.В.* Исторический опыт: методология проблемы. – Казань: Новое знание, 2001. – 148 с.
16. Histoire et sciences sociales. Un tournant critique ? // *Annales E.S.C.* – 1988. – F. 2. – P. 291–293.
17. Histoire et sciences sociales: tentons l'expérience // *Annales E.S.C.* – 1989. – F. 6. – P. 1317–1323.
18. *Noiriel G.* Sur la «crise» de l'histoire. – Paris: Éditions Belin, 2005. – 456 p.
19. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историкографическая революция. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. – 544 с.
20. *Ricoeur P.* Expliquer et comprendre // *Revue de philosophie de Louvain.* – 1977. – T. XXV. – P. 126–147.
21. Попробуем поставить опыт // *Анналы на рубеже веков – антология.* – М.: XXI век: Согласие, 2002. – С. 15–22.
22. *Трубникова Н.В., Уваров П.Ю.* Пути эволюции социальной истории во Франции // *Новая и новейшая история.* – 2004. – № 6. – С. 127–147.
23. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.
24. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 192 с.
25. *Гренье Ж.-И.* Размышления о «критическом повороте» // *Одиссей. Человек в истории.* 2005. – М.: Наука, 2005. – С. 138–151.
26. *Boltanski L., Thévenot L.* De la justification. – Paris: Gallimard, 1991. – 485 p.
27. *Mongin O.* Paul Ricoeur. – Paris: Le Seuil, 1994. – 288 p.

28. *Ricoeur P.* Temps et Récit: tome 3. – Paris: Le Seuil, 1985. – Т. 3. – 533 p.
29. *Ricoeur P.* “L'Histoire comme récit et comme pratique”, entretien avec Peter Kemp // *Esprit*. – 1981. – Juin. – P. 157–167.
30. *Dosse F.* Paul Ricoeur révolutionne l'histoire // *Espaces Temps*. – 1995. – F.° 59–61. – P. 6–26.
31. *Delacroix C.* La falaise et le rivage. Histoire du tournant critique // *Espaces Temps*. “Les Cahiers”. – 1995. – F. 59. – P. 59–111.
32. *Grénier J.Y., Lepetit B.* L'expérience historique: à propos de C.E. Labrousse // *Annales E.S.C.* – 1989. – F. 6. – P. 1337–1360.
33. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 336 с.
34. *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.
35. *Ricoeur P.* L'écriture de l'histoire et la représentation du passé // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. – 2000. – F. 4. – P. 731–747.

Поступила в редакцию
10.11.09

Калимонов Ильдар Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *Kazan-Kalimonov@mail.ru*